

Н. В. СЕРЕДА

РЕАБИЛИТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ

В статье анализируется как постепенно, начиная с 60-х гг. XX в. происходило возвращение идей А.С. Лаппо-Данилевского в отечественную историческую науку. Автор отмечает основные этапы освоения и интерпретации российскими учеными наследия своего великого соотечественника, выделяя в качестве особо значимого – период функционирования Научно-педагогической школы источниковедения.

Ключевые слова: классификация исторических источников, методы исследования, методология исторического исследования, историографическая ситуация конца XX в.

Изучение наследия А.С. Лаппо-Данилевского и интерпретация его идей начались еще при жизни ученого и значительно активизировались после его кончины¹. После некоторого затишья внимание к наследию Лаппо-Данилевского возобновилось в самом конце 1960-х гг., на что указывает публикация статьи О.М. Медушевской в знаковом сборнике «Источниковедение: теоретические и методические проблемы» (1969)².

Обращение к идеям Лаппо-Данилевского подчас происходило в скрытой форме, без упоминания его имени. С его идеями, несомненно, был хорошо знаком Л.В. Черепнин, перу которого принадлежит известная и весьма негативная статья о Лаппо-Данилевском³. Подготовка этой статьи совпала по времени с созданием Черепниным блестящей, явно написанной под влиянием идей Лаппо-Данилевского монографии о феодальных архивах⁴. О глубоком знакомстве с теорией Лаппо-Данилевского и согласии с некоторыми из ее основополагающих идей свидетельствует и Предисловие, написанное Черепниным к монографии Л.Н. Пушкарева о классификации исторических источников. Важной заслугой Пушкарева Черепнин считал оценку им исторического источника как исторического факта, как объекта, созданного человеком на основе личных субъективных образов реального мира⁵. В определении Черепниным заслуг Пушкарева, по сути, содержалось сформулированное Лаппо-Данилевским признание исторического источника, во-первых, как реального объекта, во-

¹ Подробнее см., напр.: Медушевская. 2002. С. 112-114.

² Медушевская. 1969. С. 171-194. О влиянии идей А.С. Лаппо-Данилевского на творчество О.М. Медушевской см.: Румянцова 2009, 2010.

³ Черепнин. 1949. Об обстоятельствах создания этой статьи и ее вынужденном характере см.: Простоловсова, Станиславский. 1990. 71 с.

⁴ Черепнин. 1948–1951.

⁵ Пушкарев. 1975. С. 3.

вторых, как факта и как «реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением»⁶. Что было в этом? Случайность совпадения мыслей и подходов? Просьба о прощении, обращенная к современникам, которые, конечно же, помнили оценки, данные Черепниным в 1949 г. и Лаппо-Данилевскому, и его «Методологии истории»? Желание вернуть сообществу историков своей страны гениальные мысли гениального соотечественника?

Внимательный и образованный читатель 1970-х гг. не мог не проводить параллелей между определениями исторического источника Пушкикаревым (в интерпретации Черепнина) и Лаппо-Данилевским. Менее образованный получил шанс задуматься и возможно переосмыслить некоторые положения, ранее казавшиеся аксиоматичными. Слова у Черепнина были не те, что у Лаппо-Данилевского, а суть была та же.

Что касается Пушкикарева, то он вполне определенно сформулировал мысль о том, что «понятие исторического источника глубже и обстоятельнее всего в русском буржуазном источниковедении разработано у А.С. Лаппо-Данилевского». Среди целого ряда определений Лаппо-Данилевским терминов «источник» и «исторический источник» Пушкикарев выделяет то, где идеализм автора «Методологии истории» менее всего заметен, где речь идет об источнике как реальном объекте, «который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте». По словам Пушкикарева, в признании Лаппо-Данилевским объективного характера источника исторического знания сказывается влияние достижений «марксистско-ленинской исторической и философской мысли» начала XX в.

Л.Н. Пушкикарев критиковал другую сторону определения Лаппо-Данилевским источника, а именно его оценку источника как продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением. Такое понимание исторического источника Пушкикарев вполне справедливо определяет как идеалистическое. Увлечение идеализмом относилось в те времена к разряду тяжких преступлений, однако у Пушкикарева обвинение Лаппо-Данилевского в идеализме, хотя и присутствует, но сделано как-то мимоходом и как обвинение, кажется, и не выглядит. Гораздо более эмоционален Пушкикарев, когда интерпретирует определение Лаппо-Данилевским понятия «исторический факт», полагая, что такой подход открывает дорогу субъективизму в изучении истории⁸, что также было недопустимо в советской историографии.

⁶ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 38.

⁷ Пушкикарев. 1975. С. 40.

⁸ Там же. С. 40-41.

Причудливое соединение в работе Пушкарева и в Предисловии к ней Черепнина критики идей Лаппо-Данилевского с одновременным признанием правоты методолога подтверждает справедливость слов самого Лаппо-Данилевского о том, что материализм мало пригоден и удовлетворителен с познавательной точки зрения. Это обстоятельство – непригодность материализма для объяснений – ученый описывал, демонстрируя серьезное знакомство с материалистической философией: «Материалист совершенно игнорирует затруднения, испытываемые нашим разумом при отождествлении “материи” с “духом”, и просто перескакивает из одной области в другую; не разрешая их, и, в сущности, прикрывая материалистическими терминами понятия совсем иного рода, он устанавливает между ними число словесную связь»⁹.

Вся работа Лаппо-Данилевского «Методология истории» есть демонстрация неразрывности «материи» и «духа» как в реальности жизни, так и в историческом исследовании. «Воздействие индивидуальности на среду не представляется историку механическим процессом уже потому, что такая индивидуальность понимается им в смысле субъекта, который характеризуется единством сознания, придающим единство и его действиям; значит и воздействие такого субъекта на среду характеризуется не механическими, а психическими его особенностями. Следовательно, можно сказать, что историк изучает те факты, которые состоят в психофизическом воздействии индивидуальности на среду, и обращает внимание преимущественно на психический характер такого воздействия», – пишет ученый¹⁰. Далее читаем: «С такой точки зрения под простейшим историческим фактом можно разуметь самое элементарное, происходящее в данном пункте пространства и в данный момент времени, преимущественно психическое воздействие индивидуальности на один из элементов окружающей ее среды, в особенности общественной среды»¹¹.

И, вероятно, именно в силу противоречивости материализма, отмеченной Лаппо-Данилевским, не стоит всерьез удивляться тому, что внешняя критика его идей сопровождалась их глубоким изучением и тонким использованием в исследовательских практиках советских ученых.

Авторы работ по классификации исторических источников, которые стали активно издаваться в конце 1960-х – 1970-е гг., предлагали разные классификационные признаки, указание на некоторые из них также можно найти в работе Лаппо-Данилевского. Заложенное в ней представление о целостности и системности исторического прошлого, видимого в до-

⁹ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 353.

¹¹ Там же. С. 356.

шедших до нас фрагментах – исторических источниках, наталкивало на необходимость создания классификационной схемы, эту системность отражавшей. Однако указание на своеобразие методов исследования различных источников¹² вело к появлению все новых вспомогательных исторических дисциплин и попыткам классифицировать источники с учетом методов их исследования¹³. Апогеем и блестящим проявлением развития данного направления стали докторская диссертация и монография С.М. Каштанова, где автор, кстати сказать, вслед за А.С. Лаппо-Данилевским отстаивал особость методики и предмета дипломатики¹⁴.

Интересен и знаменателен тот факт, что попытки классификации исторических источников по методам их исследования не привели к созданию системы, значимой для всей исторической науки. Классификация, основанная на этом принципе, если и сохраняет значение, то лишь в рамках определения предмета каждой из вспомогательных исторических дисциплин. Признание ее в качестве основной создавало бы впечатление дробности мира исторических источников и мира прошлого, уводило от понятий «система», «структура», «целостность». Такой подход к классификации источников в случае его закрепления способствовал бы консервации отсталости отечественной исторической науки.

В других странах историческая наука в это время развивалась уже по пути признания приоритета изучения целостности и преемственности, стабильности над изучением событий, ведущих к прерыванию стабильности, к разрывам и качественным переменам состояний. Однако, нельзя не заметить, что в то время как отечественная историческая наука работала в основном над изучением разломов, революций, потрясений, та ее сфера, которая наиболее близко соприкасается с теорией истории, философией познания, уже искала опору для перехода к исследованию проблем, изучающих стабильные состояния обществ или их повседневность. В этих условиях классификация исторических источников по методам исследования, видимо, просто не имела шансов на ее закрепление. Нужно было выработать классификацию, позволявшую увидеть и изучать историческое прошлое во всей его многогранности и сложности. Это было тем более важно, что европейская наука уже приступила к активному исследованию повседневности локальных обществ, что требовало выявления всего многообразия источников и междисциплинарного (комплексного) подхода к их изучению.

¹² Там же. Т. 2. С. 27-29.

¹³ Яцунский. 1958.

¹⁴ Каштанов. 1970. С. 5.

Возвращаясь к проблеме определения понятия исторический источник, следует отметить, что всплывшее в 1990-х гг. его определение как продукта/фрагмента прошлой реальности было, по сути, подготовлено учеными предшествующего поколения, работавшими в марксистской парадигме, потому что оно в значительной мере отвечало материализму и марксизму, основанному на его идеях.

Этапы освоения и интерпретации теории Лаппо-Данилевского отчетливо прослеживаются в материалах конференций, которые ежегодно проводила кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ¹⁵. Их анализ сам по себе может служить прекрасной информационной базой исследования в предметном поле интеллектуальной истории. Наиболее активно в плане освоения наследия Лаппо-Данилевского работали О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева.

Первые программные заявления Научно-педагогической школы источниковедения были сделаны, кажется, в 1996 г. в рамках конференции «Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании». Вопросы интерпретации теории Лаппо-Данилевского отчетливо прослеживаются в ряде докладов и сообщений, а также во вступительной статье к изданию материалов конференции.

Во вступительной статье было заявлено о преемственности идей А.С. Лаппо-Данилевского и развитии их сотрудниками кафедры, где в первые годы ее существования работали его ученики и последователи – П.Г. Любомиров, А.И. Андреев. Важнейший результат развития НППШ источниковедения организаторы конференции уже в тот момент видели в «отказе от утилитарного представления об историческом источнике как лишь об орудии исторического исследования и конституировании его самоценности как явления культуры»¹⁶, а себя они позиционировали как последователей этой идеи. Организаторы конференции ставили вопрос о «применении источниковедческой методологии к решению наиболее сложных проблем современной гуманитаристики», т.е. о признании источниковедения в качестве основы развития гуманитарного знания. В редакционной статье было сформулировано понимание членами кафедры главного принципа современной теоретико-познавательной концепции гуманитаристики – обращение ко всему объему произведений культуры, созданных в процессе человеческой деятельности¹⁷.

¹⁵ Ликвидирована в 2011 г., после чего Научно-педагогическая школа источниковедения консолидировалась на основе сайта Источниковедение.ру.

¹⁶ Источниковедение и компаративный метод... 1996. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 3, 5.

Пассионарные представители Научно-педагогической школы источниковедения напомнили научной общественности ту сторону определения Лаппо-Данилевским исторического источника, которая долго являлась предметом критики, либо вовсе замалчивалась. Они вернули науке данное Лаппо-Данилевским определение исторического источника как продукта человеческой психики, причем это возвращение сопровождалось совершенно иным контекстом, в отличие, например, от работы Л.Н. Пушкарева, где указанное определение также приводилось. Представители НПСИ источниковедения приводили определение Лаппо-Данилевского как ориентир для дальнейших размышлений, как образец, требовавший внедрения в практику исторических исследований.

Последствия такого подхода были значительны. Во-первых, это означало реабилитацию важнейшей идеи концепции Лаппо-Данилевского. Во-вторых, ставило под сомнение представление о том, что цель источниковедческого изучения исторических источников заключается в установлении их подлинности и достоверности заключенной в них информации. В философию и методологию науки и в практику исторических исследований ученых Европы это понимание пришло гораздо раньше, еще в 1920-е гг. Для широкого круга историков России осознание того, что «достижение “чистого знания”, очищенного в числе прочего и от человеческой субъективности путем ее мучительного преодоления в процессе “критики” исторического источника, теряет свою актуальность»¹⁸, стало следствием глубокого освоения идей Лаппо-Данилевского. Первопроходцами стали сотрудниками кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, они не просто сами осваивали огромное интеллектуальное богатство «Методологии...», но и последовательно транслировали ее основные тезисы в научную среду России. Важнейшим средством трансляции являлись ежегодные конференции, традиционно проходившие в конце января. Апробация идей осуществлялась при разработке учебных программ, подготовке методических пособий и учебников, научных статей и монографий. Значительными вехами на этом пути стало посмертное издание книги О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (2008), где идеи Лаппо-Данилевского не только интерпретированы, но и получили дальнейшее развитие, а также переиздание его «Методологии истории» (2010). В своем соединении эти два историографических факта, несомненно, будут способствовать развитию исторической науки.

¹⁸ Румянцева. 2007. С. 46.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29-31 янв. 1996 г. М., 1996.

Каишанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [в 2 т.]. М., 2010.

Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение: теоретические и методические проблемы: [сб. ст.] М.: Наука, 1969. С. 171-194.

Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Методология и теория истории: учебно-методический модуль. М., 2002. С. 106-133.

Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1990. 71 с.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». М., 2009. № 4/09. С. 12-22; 2010. №7(50)/10. С. 11-27.

Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25-27 янв. 2007 г. М. 2007. С. 41-49.

Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30-51.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1-2.

Яцунский В.К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. XI. С. 133-139.

Серёда Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор; Тверской государственный университет, профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения; *nv.sereda@yandex.ru*